

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК: ПРОЯВЛЕНИЕ И ПРИЧИНЫ

Перевод, как его емко и детально определил известный лингвист А.Д.Швейцер, – это «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» (Швейцер, 1988, с.75).

Итак, при переводе имеет место контакт двух языков и двух культур, представленных двумя текстовыми произведениями, один из которых воспринимается, а другой порождается стоящим между ними индивидом – переводчиком. При этом происходит взаимодействие и взаимовлияние вовлеченных в коммуникативный процесс языков. Одним из внешних проявлений этого взаимодействия является интерференция, т.е. «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» (Вайнрайх, 2000, с. 44). Термин *интерференция* был впервые применен в языкознании учеными Пражского лингвистического кружка и получил широкое распространение после выхода монографии У.Вайнрайха «Языковые контакты».

«В основе любого проявления лингвистической интерференции, – пишут С.К.Гураль и Е.И.Сорокина, –

лежит психолого-речевая интерференция, так как все отклонения от нормы одного языка под влиянием другого наблюдаются первоначально в речи индивидов, говорящих на этом языке» (Гураль, Сорокина, 2012, с.7). Таким образом, интерференция наблюдается на уровне речи, но идентифицируется на уровне языка, так как нарушениям подвергаются именно языковые нормы. Поэтому некоторые ученые «различают речевую и языковую интерференцию, принимая за основу утверждение, что любое речевое явление принадлежит определенному языку» (там же). Тем не менее, в процессе перевода контакт происходит не между языковыми системами вообще, а между языковыми компетенциями двуязычного индивида. Как отмечает Л.В.Бархударов, перевод «имеет дело не с системами языков, а с конкретными речевыми произведениями, т.е. с текстами» (Бархударов, 1975, 27).

Взаимодействие двух языков становится возможным благодаря наличию между ними значительных сходств, прежде всего – в сфере содержания. Наличие сходств между любыми, без исключения, человеческими языками обусловлено общностью основной понятийной базы человеческого мышления. В то же время, отклонение в языковых нормах происходит из-за того, что языки отличаются друг от друга. Если наложить одну языковую систему на другую, мы получим, с одной стороны, область их пересечения, где элементы разноязычных систем совпадают или максимально приближаются друг к другу. Эту область можно назвать областью аналогии. С другой стороны, мы наглядно увидим те стороны каждого из языков, которые составляют его

уникальные (по крайней мере, в данной языковой паре) отличия. Эту область можно назвать областью расхождений. Так, к примеру, термины родства в русском и кыргызском языках, покрывая в целом одну и ту же сферу родственных отношений, тем не менее, отличаются друг от друга объемом выражаемых ими понятий. Так, с одной стороны, мы имеет один кыргызский эквивалент *кайната* для русских терминов *тесть* и *свекор*, но, в то же время, одному русскому термину *брат* соответствуют два термина в кыргызском языке – *ага* и *уни*. Уникальной в отношении к кыргызскому языку является категория рода в русском языке, точно так же уникален по отношению к русскому языку кыргызский побудительный залог (аркылуу мамиле). Отношения аналогии между языками еще называют межъязыковой корреспонденцией. Другое название для различий – межъязыковое контрастирование (или межъязыковой контраст).

Область межъязыковой корреспонденции является основой контакта языков. Более того, именно на нее опирается человек при овладении новым языком. Область межъязыковых контрастов – это область интерференции. При переходе с одного языка на другой, а при переводе – в процессе перекодирования речевого сообщения, индивид производит перенос, прежде всего, смысловых элементов из языка в язык. Если элементы аналогичны, в речи имеет место положительная, или нулевая интерференция. Если же элементы имеют различия, перенос этих элементов без их адаптации порождает отклонение – интерференцию.

«Явления переноса и интерференции связаны с взаимодействием навыков в любой деятельности человека и являются его результатом» (Гураль, Сорокина, 2012, с. 7). Одни ученые считают эти два явления идентичными по проис-

хождению, другие строго разграничивают их между собой (там же).

Однако степень сходства между единицами разных языков различна. Существуют следующие отношения между языками и единицами разных языков: полное сходство, частичное сходство и несходство (Гураль, Сорокина, 2012, с. 8-9). А.Е.Карлинский выделяет следующие типы межъязыковой корреспонденции: межъязыковой изоморфизм (сходство формы), межъязыковая синонимия (сходство содержания), межъязыковая изотопия (синтагматическое сходство) (Карлинский, 1990, с. 292-294).

Говоря о связи между интерференцией и степенью сходства между языками и языковыми элементами, одни ученые считают, что количество отклонений от нормы тем меньше, чем больше сходство. Однако, другие исследователи высказывают мнение о том, что уменьшение различий повышает устойчивость интерференции, поскольку существующие различия и возникающие вследствие их отклонения либо воспринимаются как незначительные, незначимые и игнорируются, либо просто не замечаются носителями двуязычия (Гураль, Сорокина, 2012, с. 8).

И все же интерференция в речи может вызываться различиями не только (а, возможно, и не столько) между языками, но и между языковыми компетенциями билингва. Ведь «изучая реальную коммуникативную практику в условиях двуязычия, исследователь имеет дело не с языковыми системами, а с речевыми произведениями, где виртуальный языковой дефицит манифестируется речевым дефицитом (отсутствием языковых элементов в речи)» (Давлетов, 1990, с. 56). Иначе говоря, вероятность возникновения интерференции в процессе перевода, во многом, зависит от состояния языкового сознания переводчика. Так, низкий уровень владения языком, физическая

усталость и прочие негативные факторы повышают вероятность и частотность интерферентных явлений.

Таким образом, корреспондентно-контрастивные отношения между языковыми системами делают интерференцию возможной. Исходя из этого, в лингвистике говорят о потенциальном и реальном полях интерференции (см. Хашимов, 1986; Трегубова, 2009). Потенциальное поле интерференции (область межъязыкового контрастирования) может реализоваться или не реализоваться в речи. Совокупность интерферентных явлений, наблюдаемых непосредственно в речи, составляют реальное поле интерференции.

Кроме деления интерференции на речевую и языковую, различают также интерференцию межъязыковую и интерференцию внутриязыковую. Во втором случае имеет место взаимодействие и взаимовлияние между корреспондентно-контрастивными элементами одного и того же языка. Например, интерференция между словами *тартип* и *ирет* приведет к появлению таких сочетаний, как *баланы иретке келтирүү* вместо *баланы тартипке келтирүү*, *ишти тартипи менен жасоо* вместо *ишти ирети менен жасоо*. Подобная интерференция возникает в силу наличия дефицита в языковой компетенции носителя языка. Результатом внутриязыковой интерференции является такой новый, получивший широкое распространение (причем, именно посредством переводной литературы) термин, как *кун желе* для обозначения *радуги*. В действительности, данное природное явление в кыргызском языке имеет, как минимум, три разных названия: *асан-үсөн*, *көк желе* и *күндүн кулагы*. Новообразованный термин, как можно легко заметить, получился из-за смешения двух других: *көк желе* + *күндүн кулагы* = *кун желе*. В то же время термин *кун желе* отсутствует в

словарях кыргызского языка. Еще одним примером внутриязыковой интерференции может служить название телепрограммы *Күндеми 'дыхание дня'*. Дело в том, что данное название должно быть представлено в виде словосочетания *кун деми*, так как элемент *деми* имеет притяжательный аффикс *-и*, связывающий его отношением принадлежности со словом *кун*. Данное слово, видимо, образовано по аналогии с военными терминами *миңбашы*- 'тысячник', *жүзбашы*- 'сотник', которые произошли также из притяжательных конструкций. Однако в настоящее время притяжательный аффикс в этих словах десемантизировался, превратившись в часть корня. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что эти термины склоняются по модели корневых слов: *жүзбашыга*, *миңбашыдан*, сравните *балага*, *атадан*. Что касается искусственного слова *күндеми*, то к нему присоединяются падежные окончания, используемые после притяжательного аффикса третьего лица: *күндемине*, *күндеминен*, сравните *шаарына*, *атынан*.

Вероятность интерференции повышается в случаях, когда сходства элементов наблюдаются как во внутриязыковом, так и в межъязыковом плане. В банковских текстах очень часто можно встретить сочетание *алдын ала төлөм*, построенное по образцу русскоязычного *предварительный платеж*. Однако *алдын ала* – форма деепричастная или наречная, которая не может сочетаться с существительным *төлөм*. Кроме интерференции со стороны русскоязычной конструкции, здесь, на наш взгляд, имеет место внутриязыковое влияние модели *алдын ала төлөө* - 'предварительно платить'. Но в последнем случае *алдын ала* сочетается с глагольной формой имени действия *төлөө*, что не противоречит грамматике кыргызского языка. Подобное же наложение межъязыковой

и внутриязыковой интерференции можно обнаружить в широко используемом, но ошибочном термине *жан башына*, используемом как эквивалент термина *подушевой*. Однако, в кыргызском языке данное понятие издавна передается сочетанием *киши башына*, в котором произошла подмена компонента *киши*-‘человек’ калькой русского *душа* – *жан*. Правильным переводом такого сочетания, как *подушевое финансирование* будет *киши башына каржылоо*, а не *жан башына каржылоо*.

Выделяют также интерференцию коммуникативно релевантную и коммуникативно нерелевантную, экспрессивную и импрессивную (Карлинский, 1972). Коммуникативная релевантность интерференции означает ее значимость для понимания. Если интерференция мешает правильному восприятию сообщения, следовательно, она коммуникативно релевантна, и наоборот. Так, в одном из официальных документов предложение *Наблюдаются опасные для здоровья человека изменения погоды* было переведено как *Адам ден соолугуна коркунуч туудурган аба ырайынын өзгөрүүлөрү байкалууда*. В русском определении *опасные* соотносится не столько со словом *изменения*, сколько с сочетанием *изменения погоды*. Переводчик попытался перенести это соотношение в кыргызское предложение. В результате определение *коркунуч туудурган* было поставлено перед словом *аба ырайы* и оказалось в позиции определения к нему – ‘*изменения погоды, опасной для здоровья человека*’. Интерференция в данном случае является коммуникативно релевантной, так как нарушена главная функция перевода – информативная.

Как мы уже отмечали, перевод – процесс двухфазовый, состоящий из восприятия оригинального текста и порождения переводного текста. Языковые нарушения, имеющие место при восприятии, образуют интерфе-

ренцию импрессивную. Отклонения в переводном тексте – это интерференция экспрессивная.

Наконец, интерференцию можно классифицировать в соответствии с уровнем языка, на котором происходит нарушение языковой нормы. Классификация, данная В.В.Алимовым, является одной из общепризнанных (Алимов, 2005, с. 64-65). В общем, можно выделить следующие виды интерференции:

1) фонетическая – нарушение звуковой формы слова (имеет место в устной речи и в случаях перевода не носит регулярного характера);

2) графическая и орфографическая – нарушения, имеющие место в написании: например, *менеджер*, *колледж*, *бюджет*, а не *менежер*, *коллеж*, *бюжет*;

3) лексическая – использование слов одного языка в речи на другом языке, например, *кредит* вместо *насыя*, *закон* вместо *мыйзам*, *статья* вместо *берене*;

4) семантическая – нарушения в значениях слов, словосочетаний, фразеологизмов, например, *сандардын ырааттуулугу* вместо *сандардын удаалаштыгы* – ‘последовательность чисел’, *мыйзамдын макаласы* вместо *мыйзамдын беренеси*-‘статья закона’;

5) морфологическая – нарушения в структуре слов, например, *лоббирлөө* вместо *лоббилөө*, *тестирлөө* вместо *тестилөө* или *тесттөө*, где в качестве основы кыргызского слова берется корень русского слова вместе с частью суффикса: *лобби+r*, *тест + иr*;

6) синтаксическая – нарушение в построении словосочетаний и предложений, например, *мырза Токоев* вместо *Токоев мырза*, *жаңы кийимдер балдар үчүн* вместо *балдар үчүн жаңы кийимдер*, *токтом № 5* вместо *№ 5-токтом*;

7) стилистическая – нарушение стилистических характеристик языковых единиц, например, *чал* вместо *карыя*

(русское *старик* не имеет стилистической окраски), *өлдү* вместо *каза болду* (замена эвфемизма прямым обозначением);

8) лингвострановедческая – нарушение лингвокультурных особенностей языковых единиц.

Проявлением графической интерференции является также написание кыргызских имен и фамилий по правилам русской орфографии даже в кыргызских текстах: *Жыпар* вместо *Жыпар*, *Ташцев* вместо *Ташыев*. Использование множественного числа для обозначения парных органов одного человека в кыргызских переводах вызвано тем, что в русском оригинале используется множественное число: *баласа колдорун* (вместо *колун*) *жууганды үйрөтүңүз – научите ребенка мыть руки, анын көздөрү* (вместо *көзү*) *көрбөй калды – он ослеп*. Это – морфологическая интерференция. Синтаксическая интерференция наблюдается в предложениях типа: *биз билебиз, мындай аракеттер сөзсүз натыйжа берет – ‘мы знаем, такие усилия обязательно дадут результат’*, вместо *биз мындай аракеттер сөзсүз натыйжа берерин билебиз*.

Что касается лингвострановедческой интерференции, то, как нам кажется, она наиболее значима на первой стадии перевода – при восприятии и понимании текста оригинала. Неверная интерпретация содержания принимаемого сообщения ведет к неправильной передаче этого сообщения на языке перевода. С другой стороны, переводчик, будучи носителем двух языков, не всегда учитывает особенности одноязычного восприятия текста перевода, забывая, что читатель (слушатель) не владеет той фоновой, культурологической информацией, которая есть у него. Тем самым элементу языка перевода приписываются свойства, которые, в действительности, у него отсутствуют.

Рассмотрим несколько примеров, взятых из реальных переводов различной тематики.

В одной из телепередач прозвучала фраза *Бул – аябагандай тайманбаган кадам*. - ‘Это – очень смелый шаг’, где нарушена сочетаемость слов *аябагандай* и *тайманбаган*. Слово *смелый* в русском языке является прилагательным и хорошо сочетается с усилительным наречием *очень*. Кыргызское слово *тайманбаган* – причастие, обозначающее свойство по действию, которое не сочетается со словами, выражающими степень интенсивности. В другой передаче было использовано слово *ата мекендик*, отсутствующее в кыргызском языке, в значении ‘отечественный’: *ата мекендик авиакомпаниялар, ата мекендик өндүрүүчүлөр*. Подобный неологизм появился под влиянием того, что слово *отечество* обычно переводится как *ата мекен*. Однако, в указанных контекстах это слово означает то же самое, что и слово *местный*, кыргызским эквивалентом которого является *жергиликтүү*. Таким образом, правильнее было бы сказать *жергиликтүү авиакомпаниялар ‘отечественные авиакомпании’, жергиликтүү өндүрүүчүлөр ‘отечественные производители’*.

Один из рекламных роликов звучал так: *Биз жашоого даам беребиз – ‘Мы придадим вкус жизни’*. Интерференцию в данном случае можно описать следующим образом: с одной стороны, слово *придавать* в некоторых контекстах может выступать эквивалентом слова *бер* ‘давать’, например, *бул бизге күч берди* ‘это придало нам сил’, с другой стороны, русское слово *придавать* формально схоже со словом *давать* – основным эквивалентом слова *бер*. Правильнее в приведенном выше случае было бы перевести *Биз жашоого даам кошобуз*.

Интерференция может наблюдаться и на уровне, превышающем

уровень предложения. Так, многие конструкции, применяемые в деловых бумагах, являются интерферированными. Приведем пример реального текста свидетельства о заключении брака:

Жаран Жарыкбаев Асан Суранчиевич, 19-апрель 1991-жылы туулган жери Бишкек шаары, жарандыгы _____, улуту кыргыз, жана жаран Курманаева Жылдыз Жолдош кызы, 12-январь 1992-жылы туулган жери Нарын шаары, жарандыгы _____, улуту кыргыз, 25-сентябрь 2012-жылы никелешти. Никелешүү жөнүндөгү актыларды каттоо китебинде 2012-жылы сентябрь айынын 25-күнү жазуу жүргүзүлдү № 97005.

Гражданин Жарыкбаев Асан Суранчиевич, родившийся 19 апреля 1991 года в городе Бишкек шаары, гражданство _____, по национальности кыргыз, и гражданка Курманаева Жылдыз Жолдош кызы, родившаяся 12 января 1992 года в городе Нарын, гражданство _____, по национальности кыргызка, 25 сентября 2012 года заключили брак. В книге регистрации актов о бракосочетании 25 сентября 2012 года сделана запись № 97005.

Синтаксически текст на кыргызском языке во многом повторяет структуру текста на русском языке. Нарушен естественный порядок слов в кыргызском языке. Например, вместо *жазуу жүргүзүлдү № 97005* должно было быть *№ 97005-жазуу жүргүзүлдү*. Такие искусственно построенные конструкции, представляющие прямую синтаксическую кальку с русского языка, встречаются в подавляющем большинстве деловых бумаг. Более того, подобные синтаксические образования даются в качестве образца в пособиях, обучающих ведению делопроизводства на кыргызском языке. Однако, на наш взгляд, такой подход к составлению деловых бумаг на кыргызском языке

должен считаться недопустимым. Любой текст – и текст канцелярских документов не может и не должен быть исключением – должен строиться строго в соответствии с природой и нормами того языка, на котором он составляется, в данном случае – природой и нормами кыргызского синтаксиса.

Будучи первоначально явлением речевым, интерференция может, получив широкое распространение, приобрести характер языковой инновации. Как нам кажется, интерференция не обязательно должна рассматриваться как неосознанное отклонение от нормы языка. Так, говорящий или переводящий индивид может столкнуться с необходимостью выразить то, что средствами используемого языка передать трудно или даже невозможно. С другой стороны, активная межнациональная коммуникация в наши дни порождает потребность в переводе большого объема международных документов. В таких случаях очень важна точная передача содержащейся в них информации, причем в условиях временного дефицита. Наконец, новые теории, новые методики несут в себе и особую языковую картину того, что они описывают. И тогда переводчик сталкивается с задачей передать средствами другого языка смысловую композицию, выраженную средствами языка оригинала. В этом случае может происходить трансформация языковых средств самого языка перевода. Думается, немало новообразований в языках, появившиеся в результате контакта культур и языков, имели в той или иной степени интерференционную природу. То, что сначала является интерференцией, со временем становится субстратом и суперстратом (остаточная интерференция) в языковой системе.

Возьмем следующее предложение: *Сен өз парзыңды билишиң керек - 'Ты должен знать свой долг'*. Данное

предложение содержит отклонение от нормы, ставшее едва ли не нормой в современной речи на кыргызском языке: 1) местоимение *сен* стоит в именительном падеже и претендует на роль подлежащего в предложении, 2) в качестве подлежащего, *сен* грамматически не согласуется со сказуемым *керек*, 3) в качестве нового сказуемого предполагается сочетание *билишиң керек*, которое грамматически этой функции не соответствует. В действительности, правильной синтаксической структурой здесь было бы *Сенин өз парзыңды билишиң керек*, где *сен* и *билишиң* образуют притяжательную конструкцию и вместе выступают в роли подлежащего, согласуясь со сказуемым *керек*. Не случайно в речи встречается форма, которая, несмотря на свою еще большую корявость, пытается связать новое подлежащее со сказуемым: *Сен өз парзыңды билиши керексиң*. В приведенном примере явным является влияние (интерференция) конструкции в русском языке.

При переводе переводчик всегда преследует цель адекватной передачи информации, содержащейся в тексте оригинала, а поскольку между языками существуют расхождения, ему необходимо уметь производить различные трансформации, чтобы при максимальном сохранении информации текст перевода отвечал нормам языка перевода. Иными словами, языковые различия требуют языковых трансформаций. Если же трансформация не происходит, тогда вместо нее, под влиянием языка оригинала на речь перевода, наблюдается трансференция, т.е. межъязыковой перенос.

Интерференция и трансформация, по своей сути, противоположны друг другу. Интерференция наблюдается там, где не была сделана необходимая трансформация. В этом случае можно сказать, что трансформация – это преодоленная интерференция, тогда как

интерференция – это нереализованная трансформация. Однако, при этом не всякое отклонение от норм языка перевода является интерференцией и не всякое изменение текста оригинала является правомерной трансформацией. Иначе говоря, очень важно различать неинтерферентные ошибки и ошибочные трансформации..

Корреспондентно-контрастивные отношения между языками проявляются в том, что в тексте любого перевода можно обнаружить как отрезки практически идентичные оригиналу, так и отрезки, сильно отличающиеся от него, в которых использованы, казалось бы, совсем иные языковые средства. Однако восприятие обоих текстов схоже или даже одинаково. Это происходит потому, что в переводе «содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» (Комиссаров, 1990, с. 248), когда иначе построенный текст выступает «в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста» (там же, с. 247).

Подобно интерференции, трансформации можно классифицировать по уровню языка, на котором они производятся. Отсюда говорят о лексических, морфологических, синтаксических, стилистических трансформациях. Нам кажется, есть основание говорить также об орфографических и орфоэпических трансформациях.

Рассмотрим сначала две последние разновидности трансформаций. Так, в разных языках, использующих идентичную графику, но отличающихся фонетически, необходимой трансформацией может быть изменение написания тех или иных слов. Примером подобной трансформации могут быть термины *зайым* - 'заём' и *зайымчы* -

‘заёмщик’. Результатом подобных трансформаций являются в кыргызском языке слова *самоор* - ‘самовар’ и *чайнек* - ‘чайник’, некогда заимствованные из русского языка. Однако до сих пор в кыргызском языке продолжают писать без изменений иностранные слова и имена, пришедшие через русский язык и содержащие в русском языке сочетание *дж*: *джоуль* вместо *жоул*, *Джон* вместо *Жон*. Эти же слова произносятся также по образцу русского языка. В орфографической трансформации нуждаются написания месяцев, содержащие мягкий знак, которые, по крайней мере, при присоединении аффиксов произносятся без смягчения согласной: *июн* вместо *июнь*, *июл* вместо *июль*.

При морфологической трансформации одна часть речи заменяется другой: *кредитный договор* – *насыя келишими* (замена прилагательного существительным). Здесь не происходит серьезных изменений в плане содержания.

Лексическая трансформация применяется тогда, когда значения разноязычных слов не совпадают, и оказывается невозможным однозначный перевод. Возьмем, к примеру, предложение *Его брат так и не согласился признать его*. Здесь слово *брат*, в зависимости от контекста, можно перевести либо как *ага* ‘старший брат’ или *уни* ‘младший брат’, либо как *бир тууган* - ‘родной брат или родная сестра’. К лексическому уровню относятся и изменения, связанные с переводом безэквивалентной лексики.

На уровне словосочетаний и предложений производятся синтаксические трансформации. Это наиболее сложный тип трансформаций, так как при нем в процесс изменений вовлекаются целые синтагмы, синтаксические конструкции, синтаксические функции слов и сочетаний слов.

Однако в ходе перевода эти виды трансформаций в чистом виде встречаются

редко. Чаще всего процесс трансформации затрагивает одновременно несколько уровней.

Кроме уровневого деления, трансформацию классифицируют также по характеру изменений, совершаемых при переводе. Так, Л.С.Бархударов выделяет следующие типы трансформаций: перестановки, замены, добавления, опущения.

При перестановке как переводческой трансформации в тексте меняется расположение элементов: слов, словосочетаний или предложений. Возьмем предложение *Все не пользующиеся спросом товары, оставшие на складе, были значительно уценены*. Здесь одно из определений – *не пользующиеся спросом* – стоит перед определяемым словом *товары*, тогда как второе – *оставшиеся на складе* – занимает место после него. В кыргызском языке определение всегда предшествует определяемому слову. Поэтому в переводе позиция второго определения – *кампада калган* – меняется: *Суралбай, кампада калган товарлар кыйла арзандатылды*.

Другой пример: *Школа не была введена в эксплуатацию вовремя из-за нехватки финансирования*. В русском предложении словосочетание, выражающее следствие, предшествует словам, обозначающим причину. В кыргызском предложении сначала будет выражена причина, а затем – следствие: *Каржылоо жетишсиз болгондуктан мектеп убагында пайдаланууга берилбеди*. Кроме того при переводе был изменен порядок ряда других слов.

Больше всего в переводах встречаются замены языковых элементов – от отдельных слов до целых предложений. Л.В.Бархударов выделяет грамматические и лексические замены. Среди грамматических замен чаще всего происходит замена частей речи. Например, русская предложная конструкция в роли определения заменяется в кыргызском на

прилагательное, образованное от существительного в местном падеже: *квартиры в новом доме – жаңы үйдөгү батирлер, здания в центре города – шаардын борборундагы имараттар*. Разновидностью грамматической замены является замена в кыргызском тексте пассивного залога на активный, так первый употребляется большей частью лишь тогда, когда формально не выражен деятель: *Решение было принято всем коллективом. – Чечимди бүтүндөй жамаат кабыл алды - «Решение принял весь коллектив».*

При грамматической замене могут трансформироваться целые структурные элементы. Тестовые материалы по математике содержали следующее задание: *Рассмотрим приведенный ниже график колебания численности организмов одной популяции, на котором обозначены интервалы 1 и 2*. Был сделан следующий перевод этого задания: *Төмөн жакта келтирилген графикти карап чыгалы. Анда бир популяцияга кирген организмдердин санындагы туруксуздук көрсөтүлүп, 1 жана 2 аралыктары белгиленген*. В данном случае произведены следующие замены: 1) одно предложение разбито на два предложения, причиной чего стало то, что в русском предложении представлена сложная цепочка определительных отношений, которую невозможно перевести такой же точно конструкцией на кыргызский язык, 2) во избежание составления цепочки притяжательных отношений сочетание *график колебаний организмов одной популяции* переведено как *анда бир популяцияга кирген организмдердин санындагы туруксуздук көрсөтүлгөн (көрсөтүлүп) ‘на нем показана нестабильность в численности организмов, входящих в одну популяцию’*, где добавлены слова *кирген ‘входящих’* и *көрсөтүлгөн ‘показана’*, 3) *колебание* переведено как *туруксуздук-‘нестабильность’*.

При лексической замене, т.е. замене одних слов другими, может

происходить либо сужение значения (конкретизация), либо расширение значения (генерализация). Приведем следующий пример: *В нашей стране создаются все условия для обеспечения защиты прав девочек и девушек. – Биздин өлкөдө кыздардын укуктарынын корголушун камсыз кылуу үчүн бардык шарттар түзүлөт*. Здесь два русских слова *девочка* и *девушка* переведены одним кыргызским словом *кыз*, которое имеет более широкое значение. В другом случае переводчиком было произведено обратное действие: *В институте были организованы женские курсы. – Институтта кыз-келиндер курстары уюштурулду*.

Добавление имеет место тогда, когда в элементе языка перевода отсутствует (по крайней мере, формально выраженный) компонент. Например, в выражении *возврат кредита* нет явного обозначения, что возвращение производится путем выплаты. При переводе на кыргызский язык предпочтительным будет экспликация данного момента: *насыяны кайра төлөө*. В материалах по ранним бракам читаем *Девочка-невеста не способна полностью осознать свое положение*. При переводе на кыргызский язык возникает необходимость, с одной стороны, более явного указания возрастной группы: *девочка – кыз бала*, с другой стороны, замены слова *невеста* на сочетание *турмушка берилип жаткан ‘выдаваемая замуж’*, так как прямой эквивалент *колукту* может иметь значение *‘жена’*. В результате получаем такой перевод: *Турмушка берилип жаткан кыз бала өз абалын толук түшүнүүгө жөндөмсүз*.

Опущению подвергаются элементы, являющиеся семантически избыточными. Так в кыргызском языке, ввиду яркой выраженности категории грамматического лица, использование личных местоимений не всегда обязательно. Поэтому при переводе на кыргызский язык местоимения часто

опускаются. Точно также опускаются союзы *когда, если*, так как их значение формально выражено специальными аффиксами: *Когда взошло солнце, стало теплее.* – *Кун чыкканда, жылуу боло тушту.*

В.Н.Комиссаров выделяет еще такие виды лексико-грамматической трансформации, как антонимический перевод, экспликация и компенсация (Комиссаров В. Н., 1990, с.183-185). На наш взгляд, экспликация близка к дополнению. Компенсация дополняет элементы значения, утерянные в оригинале, и встречается чаще в художественных переводах. Что касается антонимического перевода, то при нем происходит «замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот» (там же, с.183). Например, русское выражение *едва ли не каждый человек* на кыргызском будет переведено как *дээрлик ар бир адам 'практически каждый человек'*.

И все же в реальной переводческой практике мы чаще всего видим не отдельные виды трансформаций, а их сочетания или наложения.

Было бы интересно и полезно провести систематическое исследование с целью выявления наиболее интерферентных отношений, существующих между русским и кыргызским языками, а также межъязыковую типологию трансформаций, необходимых при переводе с русского на кыргызский язык. Подобное исследование надо было бы провести в рамках контрастивной и сравнительно-типологической лингвистики, с охватом всех уровней языка, при этом уделив особое внимание грамматическим трансформациям. Результаты исследования могли бы лечь в основу спецкурса по русско-кыргызским и кыргызско-русским переводческим трансформациям.

Однако следует признать, что большую роль как в преодолении интерференционных факторов, так и в выборе верных способов

трансформации играет опыт и профессиональная интуиция переводчика, его чувство как языка перевода, так и языка оригинала.

Литература:

1. Алимов В.В. *Интерференция в переводе.* -М.: URSS, КомКнига, 2005.
2. Бархударов Л.С. *Язык и перевод.* -М.; 1975. Международные отношения.
3. Вайнрайх У. *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования.* –Благовещенск, 2000.
4. Давлетов М.С. (1990). Билингвизм социальной группы в разных условиях двуязычной коммуникации. /*Вопросы социолингвистики. Материалы советских социолингвистов к XII Всемирному Конгрессу социологов.* -Мадрид, 9-13.07.1990, с. 52-56.
5. Карлинский А.Е. *Основы теории взаимодействия языков.* –Алматы, 1990.
6. Карлинский А.Е. Типология речевой интерференции. *Зарубежное языкознание и литература*, вып. 2. -Алма-Ата, 1972. с. 9-16.
7. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты).* -М.: Высшая школа. 1990.
8. Латышев Л.К. *Эквивалентность перевода и способы её достижения.* -М.: Международные отношения, 1981.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. *Как стать переводчиком?* -М.: Стелла. 1994.
10. Трегубова Ю.А. *Социолингвистический аспект интерференции при неконтактном двуязычии: на материале русского и английского языков.* Автореферат кандидатской диссертации. -Елецк: ЕГУ. 2009.
11. Хашимов Р.И. Интерференция и формы национально-русского двуязычия. *Русский язык в школе*, 2. 1986.
12. Швейцер А.Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты.* -М.: Наука, 1988.

